

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

аспирант кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
dkunilsky@mail.ru

ПЕРВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО В СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ КРИТИКЕ

В статье проанализированы славянофильские отклики на дебютные произведения Ф. М. Достоевского. При этом рассматриваются критические работы как собственно славянофилов (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков), так и литераторов их круга (С. П. Шевырев). В совокупности исследуются причины, повлиявшие на неблагоприятное мнение славянофилов о творчестве молодого Достоевского. Необходимый историко-литературный контекст создается путем сопоставления позиции славянофилов со взглядами В. Г. Белинского и В. Н. Майкова.

Ключевые слова: критика, славянофилы, натурализм, гуманизм, филантропическая тенденция, анализ, синтез

Анна Григорьевна Достоевская вспоминала, что отзывы критиков в большинстве своем сильно огорчали ее мужа: «Для Федора Михайловича всегда было чрезвычайно дорого сочувствие публики, так как она одна только его и поддерживала своим вниманием и сочувствием во все время его литературной деятельности. Критика же (кроме Белинского, Добролюбова и Буренина) очень мало в те времена сделала для выяснения его таланта: она или игнорировала его произведения, или враждебно к ним относилась» [7; 250]. Славянофилы не были здесь исключением: пристрастно оценив дебютные произведения молодого автора, они в дальнейшем весьма скупом отмечали Достоевского. Что именно не понравилось славянофильским критикам в первых художественных опытах Достоевского, нам и предстоит выяснить.

В поле зрения славянофилов Достоевский попал с самых первых шагов своей литературной деятельности. Еще в 1845 году Иван Аксаков сообщил родным, что «Отечественные записки» «нашли новую звезду, какого-то Достоевского, которого ставят чуть ли не выше Гоголя, находя в Гоголе много славянофильского духа» [1; 237]. Это было сказано до появления «Бедных людей», вызвавших отклики славянофилов и близких им литераторов. В рецензии на «Петербургский сборник» (Москвитянин. 1846. № 2. С. 163–191), рассматривая «Бедных людей» как подражание Гоголю, С. П. Шевырев все же отметил «в новом повествователе наблюдательность и чувство» [16; 228]. Особые замечания Шевырева вызвала «филантропическая сторона» произведения, оказавшаяся, по его словам, «заметнее, чем художественная» [16; 229]. В той же статье он резко критически отнесся к повести «Двойник», объяснив неудачу условиями журнальной работы, которые заставили автора поспешить с публикацией: «Мысль обнаруживает талант наблюдательный. Но беда таланту, если он свою художественную совесть привяжет к срочным листам журнала,

и типографские станки будут из него вытягивать повести. Тогда рождаются могут одни кошмары, а не поэтические создания» [16; 231]. Вслед за этим в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год» (М., 1847. Критика. С. 1–44) выходят «Три критические статьи г-на Имрек» К. С. Аксакова, где также предлагается разбор произведений Достоевского.

«Бедные люди» вызвали у К. Аксакова противоречивые чувства: он как будто не успел разобраться в своих впечатлениях от романа и потому еще колеблется в оценках¹. Указания недостатков сменяются сдержанными похвалами и наоборот. За рядом технических замечаний, связанных с эпистолярной формой романа (она «сама по себе неудобная» и «неверно выполненная»), особенностью речи Девушкина (чиновник «мог говорить точно так», но «он никогда не писал так; так может писать сочинитель, поставивший вне себя описываемое лицо...») [2; 137], следует попытка разобраться в том, насколько молодой автор талантлив и оригинален. Главным критерием здесь выступает гоголевская «Шинель», «способная переродить человека», но не оставляющая по себе «тяжелого впечатления». Неудивительно, что в представлении такого страстного почитателя гоголевского творчества, каким был Аксаков, «Бедные люди» должны были во многом уступать «Шинели». В отличие от Гоголя, Достоевский, по мысли автора статьи, не смог подняться над изображаемой жизненной ситуацией и слишком близко подошел к своим героям: «Картины бедности являются во всей своей случайности, не очищенные, не перенесенные в общую сферу. Впечатление повести тяжелое и частное, потому проходящее и не остающееся навсегда в вашей душе» [2; 139]. По мнению К. Аксакова, безусловного наличия художественного таланта за Достоевским признать нельзя, но в отдельных местах романа, «истинно прекрасных», таких как воспоминания Вареньки Доброселовой, эта черта все-таки проявляется. Подводя итог своим

размышлениям о «Бедных людях», К. Аксаков писал: «Мы еще не знаем, что будет вперед, и не можем, судя по первой повести (хотя говорится, что видна птица по полету), сказать решительно: нет, г. Достоевский не художник и не будет им. Надо подождать, что будет далее» [2; 142].

Ниже К. Аксаков раскритиковал «Двойника», назвав его сначала прямым подражанием Гоголю, а вскоре и совсем умалив самостоятельное значение повести: «...г. Достоевский постоянно передразнивает Гоголя, подражает часто до такой степени, что это выходит уже не подражание, а заимствование» [2; 143]. В «Двойнике» славянофильский автор не заметил «ни смысла, ни содержания, ни мысли – ничего»: «Неужели это талант? Это жалкая пародия; неужели что-нибудь может возбудить она, кроме скуки и отвращения?» [2; 143, 144]. В доказательство сказанному К. Аксаков сам очень удачно пародирует стиль Достоевского: «Приемы эти схватить не трудно; приемы-то эти вовсе не трудно схватить; оно вовсе не трудно и не затруднительно схватить приемы-то эти...» Несоответствие «Двойника» дебютному произведению Достоевского побудило Аксакова признать отсутствие у автора «поэтического таланта» и в заключение произнести задевающую самолюбие молодого писателя фразу: «Недолго польстил надеждою г. Достоевский; скоро обнаружил он себя» [2; 144]².

Известно еще одно высказывание К. Аксакова о Достоевском, тоже весьма насмешливое и даже ехидное. Оно содержится в ненапечатанной при жизни автора работе «Письма о современной литературе» («Письмо I-ое»). Публикатор датирует это письмо концом 1849 – началом 1850 года [12; 500], следовательно, оно было написано, когда дело петрашевцев уже получило огласку, – вероятно поэтому К. Аксаков не называет имени политического преступника Достоевского, а лишь намекает на него. Одним из неудавшихся проектов натуральной школы славянофильский автор считал ошибочное, на его взгляд, выдвижение на первые роли автора «Бедных людей» и «Двойника»: «Они было вздумали выдвинуть и Гения, но этот г. Гений, угаданный критикою московской, скоро так отличился в своих сочинениях, что и хвалители его замолчали. Что делать!» [2; 200]³.

Резкие слова К. Аксакова, конечно, были вызваны не только художественными недостатками произведений Достоевского. Важную, а быть может, даже решающую роль сыграла близость молодого писателя к кружку Белинского, его партийная принадлежность. Еще И. И. Замотин отмечал, что «говоря о Достоевском, критика со роковых годов... соединяла его “натурализм” с западной тенденцией, хотя и не высказывала на этот счет каких-либо определенных суждений» [10; 15]. Белинский и «сочувствующая» ему критика («Отечественные записки», «Финский вестник») главную мысль «Бедных людей»

определили как гуманизм, или «отображение русской общественной неурядицы», что было принято считать «характерным признаком западной идеологии» [10; 15–17]. На языке славянофилов тот же самый гуманизм обозначался иначе – сначала С. П. Шевырев, а вслед за ним и К. Аксаков писали о выразившейся в «Бедных людях» филантропической тенденции. Соответственно, если одни хвалили Достоевского за удачную постановку социальной проблемы, правдивое изображение человеческих страданий⁴, то другие подчеркивали идейную заданность «Бедных людей», снижающую художественный уровень произведения. Так, по мнению Шевырева, филантропическая тенденция, которая «забрела в нашу словесность из чужих», есть просто дань моде, обычное желание подражать западным образцам. Но вместе с тем эта тенденция подменяет собой «высочайшую христианскую добродетель – любовь к ближнему», делает из любви «знамя, из людей человеколюбивых – свою партию», в чем Шевырев усматривает симптомы опасной общественной болезни. Автор «Бедных людей», как полагает критик, мог бы почерпнуть из «более чистого источника», минуя модные тенденции, запечатлеть в своих героях и в отношении к ним «добродетель вечную», христианское человеколюбие [16; 229]. С этим согласился К. Аксаков, не обнаруживший в «Бедных людях» «бесцельного творчества», что, на взгляд критика, также объяснялось филантропической тенденцией, помешавшей «произведению быть изящным» [2; 139].

Искомые идеалы ранее уже были воплощены в творчестве Гоголя, его петербургских повестях, и прежде всего в «Шинели», которая являлась для критиков славянофильского направления своего рода «мерилом художественного совершенства» [6; 173]. Помимо обвинений в подражательности, высказанных Шевыревым и К. Аксаковым в адрес «Бедных людей», внимание останавливает еще один момент, затронутый рецензентами. Гоголь в своих произведениях, как считали славянофилы, находился в сколь это было возможно правильном положении относительно изображаемой им современной русской жизни, особенно «высших» слоев общества: подобно своим оппонентам из западного лагеря, славянофилы среди прочего ценили тот же самый социальный протест гоголевских творений – вот почему и те, и другие не приняли «Выбранных мест из переписки с друзьями», где с полной силой высказались монархические взгляды Гоголя. Об этом прямо сказал Иван Аксаков: «Досадно только, что помещено письмо о доме Романовых и государе» [1; 345]. Почему же тогда «Бедные люди», получившие высокую оценку у радикально настроенных западников, не встретили должной поддержки в славянофильских кругах?

Дополнительный свет на эту проблему проливают высказывания А. С. Хомякова, одно из которых посвящено непосредственно «Бедным людям». В статье «О возможности русской художественной школы», помещенной в том же «Московском сборнике», что и цитированная работа К. Аксакова, Хомяков мимоходом коснулся «Бедных людей», заметив, что причина всех страданий чиновника Девушкина сокрыта в его нелюбви к простому народу, «презрении... к мужику и бабе» [15; 156]. Такое мнение в контексте программного документа славянофильской партии, где говорилось о необходимости «живого соединения» и «общения» с народом («мы должны... слиться с жизнью Русской земли»), выглядит весьма примечательным. «Презрительные» слова Девушкина о деревенской жизни («там степь, голая степь... Там ходит баба бесчувственная да мужик необразованный, пьяница ходит» [8; 107]) свидетельствуют, по мнению Хомякова, об огромной дистанции между разными слоями русского общества, препятствующей развитию национального искусства и просвещения. В этой связи характерна сама принадлежность Макара Алексеевича к чиновничьему аппарату, что было маркировано Хомяковым: «Иные... ругаются над неученою Русью, как чиновник в повести Достоевского» [15; 156]. Изображение чиновника, который «есть нечто посредствующее между просвещением и жизнью, впрочем, не принадлежащее ни тому, ни другому», отдавалось славянофилами в прерогативу Гоголю, «художнику, созданному жизнью», имевшему «право понять и воплотить мертвенность этого лица в... неподражаемые образы Дмухановского и других». «Но это право, — замечает Хомяков, — нисколько не принадлежало его подражателям — литераторам, созданным или воспитанным чужеземною образованностию. Такова причина, почему и подражания их, несмотря на талант писателей, выходят такими бледными и бессильными» («Мнение русских об иностранцах», 1846) [15; 131]. По той же причине насмешку над чиновником мог допустить в своих произведениях только Гоголь с «его глубокой, хотя добродушной и беспечной иронией»; но последователи Гоголя, немногим, как казалось Хомякову, отличавшиеся от своих героев, не должны были смеяться над ними.

Достоевский, наделивший Макара Алексеевича не только смешными, но и многими симпатичными чертами, пошел дальше Гоголя и тем самым составил конкуренцию художнику, который, по мнению славянофилов, был вне конкуренции. Более того, благородство и доброта, свойственные рядовому чиновнику Девушкину, отличают и его начальника, что резко контрастирует с образом «значительного лица» в гоголевской «Шинели». Это остро почувствовал К. Аксаков, выделивший «ироничным» курсивом ха-

рактеристику «его превосходительства»: «Макар Девушкин обиделся не только за бедного чиновника, он обиделся и за его превосходительство. Надо прибавить, что его превосходительство выставлен у г. Достоевского человеком благороднейшим — *превосходным*» [2; 142]. Получалось, что Достоевский в «Бедных людях» был слишком снисходителен к чиновникам (порождению петровской цивилизации) и вместе с тем вкладывал в уста своего героя непочтительный отзыв о простом народе, что не могло понравиться славянофилам⁵.

Другая важная деталь, теперь уже касающаяся творческого метода писателя, также должна была вызвать неодобрение со стороны славянофилов. В известном письме к брату от 1 февраля 1846 года Достоевский передавал мнение, определявшее особенность его таланта: «Во мне находится новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, то есть иду в глубину и, разбирая по атомам, отыскиваю целое, Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубок, как я» [9; 118]. Об этом, подчеркивая различия между Гоголем и Достоевским, в статье «Нечто о русской литературе в 1846 году» говорил Валериан Майков: «...в “Бедных людях” интерес, возбуждаемый анализом выведенных на сцену личностей, несравненно сильнее впечатления, которое производит на читателя яркое изображение окружающей их сферы. И чем больше времени проходит по прочтении этого романа, тем больше открываешь в нем черт поразительно глубокого психологического анализа» [13; 180]. Но если для Майкова доскональный анализ внутренней жизни человека, обилие в произведениях Достоевского «психологических черт необыкновенной тонкости и глубины» [13; 181] составляли очевидное достоинство молодого автора, то славянофилы, конечно, придерживались иного мнения.

В написанном через десять лет «Обозрении современной литературы» об опасности чрезмерного самоанализа К. Аксаков будет предупреждать уже другого молодого художника, Льва Толстого: «Анализ гр. Толстого часто подмечает мелочи, которые не стоят внимания, которые проносятся по душе, как легкое облако, без следа; замеченные, удержанные анализом, они получают большее значение, нежели какое имеют на самом деле, и от этого становятся неверными» [2; 357]. Самому К. Аксакову потребовалось долгое время и трудная умственная деятельность, чтобы прийти к пониманию опасности такого мировосприятия (в юности оно было ему близко). «Надо меньше заниматься собою, — советует он Толстому, — обратиться к Божьему миру, яркому и светлому, думать о братьях и любить их, — и тогда, не теряя самосознания, станешь и себя видеть и чувствовать в настоящем свете»

[2; 357–358]. Понятно, что мнительные и рефлектирующие герои Достоевского с их страстью болезненного самоанализа неприятно действовали на К. Аксакова, оставив по себе «тяжелое и частное» впечатление.

В противоположность «разлагающему», разрушительному анализу славянофилов, как известно, выдвигали идею синтеза, являвшуюся центральным пунктом их эстетической теории (см. [11; 57–63, 160]). Путем синтеза, основанного на братской любви и примирении, по мысли славянофилов, должно было идти разрозненное русское общество, о чем неоднократно говорилось в работах Хомякова. Синтетический способ изображения жизни противопоставлялся «аналитическому направлению» современной литературы и прежде всего натуральной школы, представителем которой славянофилы считали Достоевского.

В заключение можно отметить следующее. Опубликованные в 1846 году дебютные произведения Достоевского – роман «Бедные люди» и повесть «Двойник» – подверглись суровому разбору в рецензиях Шевырева и К. Аксакова, что во многом было обусловлено близостью молодого писателя к петербургским западникам и натуральной школе. Некоторые особенности поэтики Достоевского сильно противоречили эстетической системе славянофилов: им претила слишком близкая дистанция между автором и изображаемой действительностью, а также творческий метод писателя, определявшийся как чрезмерный анализ внутренней жизни человека. И позднее, уже в 1880-х годах со страниц славянофильской газеты «Русь» еще один критик (И. Павлов) высказался в том же духе о Достоевском, явно находясь под влиянием своих именитых предшественников (см. [14]).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В письме к Ю. Ф. Самарину он высказался более определенно: «Отдельные места прекрасны – точно, но вообще вся повесть нехудожественна, видна цель возбудить участие, что важный недостаток, впечатление повести тяжелое, случайное... Сверх того, тайная нелюбовь к Гоголю при желании подражать ему, и очень часто натянуто внешним образом, прибавляет к неприятному впечатлению» (цит. по: [11; 167]).
- ² Характерно, кроме всего прочего, невнимание К. Аксакова к исторической подоплеке «Двойника», заявленной в нем «петербургской теме», по-своему интересовавшей славянофилов. С. П. Шевырев в своем отзыве все-таки бегло коснулся этой темы, которую, по его словам, «можно было разработать» тщательнее – «она богата» [16; 230–231].
- ³ Любопытно сопоставить эти слова К. Аксакова с восклицанием Белинского: «Надулись же мы, друг мой, с Достоевским – гением!» (письмо к П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 года) [5; 713]. Тот же Анненков позднее отмечал: «Но Белинский ошибся: он встретил не новичка, а совсем уже сформировавшегося автора...» [3; 273].
- ⁴ «Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах и говорит о них обитателям раззолоченных палат: “Ведь это тоже люди, ваши братья!”», – писал Белинский [4; 131].
- ⁵ При этом Хомяков, видимо, не учитывал, что резкие слова о «мужике и бабе» вырвались у Девушкина в критическую для него минуту расставания с Варенькой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. 704 с.
2. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. 526 с.
3. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Худож. лит., 1983. 694 с.
4. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 8. 784 с.
5. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 9. 864 с.
6. Бочаров С. Г. Переход от Гоголя к Достоевскому // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985. С. 161–209.
7. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1971. 496 с.
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 1. 520 с.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28/1. 520 с.
10. Замотин И. И. Ф. М. Достоевский в русской критике. Ч. 1. 1846–1881. Варшава: Тип. окружного штаба, 1913. 333 с.
11. Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы). Л.: Наука, 1984. 196 с.
12. Кошелев В. А. Комментарии // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. С. 487–516.
13. Майков В. Н. Литературная критика. Л.: Худож. лит., 1985. 408 с.
14. Павлов И. Братья Карамазовы. Роман Ф. М. Достоевского // Русь. 1880. 29 ноября. № 3. Критика и библиография. С. 17–19.
15. Хомяков А. С. О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. 462 с.
16. Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М.: Высш. шк., 2004. 304 с.